

OLEG KIRICHENKO

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ «СКИФОВ»
(ОТ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА К АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ)*

В статье ставится проблема истоков «Скифов» – литературно-художественного течения 1920-х годов, в котором за скифской идейностью стояла своя политическая программа, готовилась идеология, претендующая на господство в государстве. Однако донине неясна внутренняя интенция скифства, неочевиден его подлинный источник, необъяснима первенствующая роль Александра Блока (хотя были и другие идейные вдохновители), неожиданно для многих в годы революции вышедшего на эту тему. В «Скифах» сочетались почвеннические (народнические) и софиологические идеи, но если с революционным влиянием Чаадаева, Герцена и других западников на скифство все более или менее ясно (Struve 43-44; Chaadayev 143-144; Vyaznikin), то истоки скифства Блока не просматриваются. Явно одно: Блок и Иванов-Разумник шли разными путями к скифству. Первый – через практический идеализм Вл. Соловьева, второй – через русский социализм Герцена. В годы революции их пути соединились.

Научное исследование литературного движения «Скифов» 1920-х годов в последние три десятилетия отличалось активностью и динамичностью. Обстоятельно изучена содержательная сторона этого проекта: имена участников (Belous, *Vol'fila*; Sarayeva; Ageycheva; Gracheva), программы, литера-

---

ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ КИРИЧЕНКО, доктор исторических наук – Институт этнологии и антропологии РАН; e-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>.

OLEG VIKTOROVICH KIRICHENKO, Doctor of Historical Sciences – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>.

OLEG VIKTOROVICH KIRICHENKO, doktor nauk historycznych – Instytut Etnologii i Antropologii Rosyjskiej Akademii Nauk; e-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН, проект «Российские ценности и символы: национальное единство и этнокультурное многообразие».

турные тексты скифов (Burchkov 11–30; D'yakova 414-426; Gil'dner 119-129; Lebedeva 143-147), обращено внимание на их учебно-образовательную и общественную, публицистическую деятельность, направленную на популяризацию скифских идей (Belous, Vol'fila, ili krizis), детально рассмотрен вопрос о сращивании скифов с партией левых эсеров (Lent'yev), введено в оборот много уникальной архивной информации. Вместе с тем, налицо приостановление исследовательского поиска, темы мельчают, движение замедляется. И причина этого, на наш взгляд, в отсутствии понимания истоков скифства, неясен и глобальный идеологический контекст его, интенционный потенциал.

Философская мысль, достигшая в трудах Вл. Соловьева необходимой полноты модерна, открыла новую дорогу русской философии, а вместе с ней и новому русскому художественному слову. Казалось бы, писателям и поэтам надо было двигаться вслед за титанами-почвенниками Толстым и Достоевским, опираться на их опыт и художественные открытия, но произошло иное. Они пошли за философом-идеалистом Соловьевым. Серебряный век – весь порождение соловьевской мысли, его открытий, его философствования в области софиологии. Толстой и Достоевский завершают Золотой век русской культуры (хотя физически Толстой и заходит далеко за его пределы) – век, начатый Пушкиным, век почвенничества, век сугубого внимания к народности, органичных форм произрастания таланта. У Соловьева вместо «почвы» – идеализм, космос, софийность, вместо русской народности – поиски этнической архаики, архетипов, глубинного, дославянского прошлого. Соловьев открывает дорогу метущемуся Серебряному веку.

Вл. Соловьев, как считал А. Блок, ввел русскую мысль в новую историческую реальность – «вневременную и внепространственную», открыл путь «второго рождения», чтобы каждый мог приобщиться к делу освобождения «плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей души» (Blok, «Rytsar'tonakh» 195-203). А. Ф. Лосев замечал, что Соловьев «в своей философской специфике и в своем русском патриотизме был, можно сказать, уникален» (Losev 225). Соловьевская св. София, по его мысли, есть выраженное в художественной форме учение о всеединстве. Это было «диалектическое учение о нерасторжимости идеи и материи». При этом сам Соловьев, прилагавший немало усилий, чтобы остаться христианином в этих непростых условиях, сумел сохранить верность православию (Losev 225). И его последователи должны были сами, каждый для себя решать дело личной аскезы, церковной религиозности, чтобы иметь возможность работать с духовной материей, феноменом, обозначенным именем Святой Софии.

Этот субъективизм вытекал из того, по мысли Лосева, что Соловьев не довел учение о софийности до конца, до логического соединения его с православным учением об исихазме, не включил его в привычный для России религиозный контекст. А учитывая, что соловьевская софиология развивалась в рамках светского мировоззрения, как и положено было в эпоху модерна, вопрос о личности философа становился важнейшим. В случае нецерковности и нерелигиозности философа образ Софии, как и стихия с ним связанная, мог трактоваться софиологом произвольно. Это и случилось, поскольку многие художественные деятели этого периода были не только людьми светскими, но нередко и далекими от Церкви. Многие из них смотрели на софиологию как на адекватную замену церковной религиозности. Обилие идейных направлений в эпоху Серебряного века поражает: кроме первенствующих символистов (внутри них также просматривалось несколько направлений) были еще декаденты, модернисты, футуристы, неохристиане, богоискатели, жизнестроители и т. д. Остановимся на творчестве символиста А. А. Блока, одного из главных вдохновителей скифства.

В блоковском поэтическом сборнике «Стихи о Прекрасной Даме» понимание Дамы сильно варьируется в пределах короткого исторического промежутка (за два года работы по теме: 1901-1902). Даже на личностном уровне этот неуловимый субъективизм присутствовал! У нас нет возможности подробно останавливаться на доказательной стороне темы, сосредоточимся лишь на выводах: движение образов «Дамы» идет от абстрактного тона, передаваемого нередко только цветовой гаммой («бездонная лазурь», холод, зима), к конкретным чертам. Постепенно наблюдается переход к «российской Венере», и далее движение идет в сторону образа «Богородицы», после чего – ниспадает до «церковной девушки в хоре» и далее останавливается на неясном портрете Незнакомки. До конца жизни Блок верно служит как рыцарь своей Даме, ее изменчивому образу идеальной красоты. Блоковская софиология была своего рода личной аскезой, заменяющей ему церковность. При этом, со слов хорошо знающей Блока З. Гиппиус, «христианство Вл. Соловьева не коснулось Блока» (*Sud'ba Bloka* 75). То есть при создании образов он работал вне христианского контекста, даже при обращении к теме «Богородицы».

В революционные годы, за несколько лет до смерти у Блока, неожиданно для всех, на первое место выходят темы революции и скифства. Для самого поэта это было ожидаемо. С юных лет он хорошо знал всего Соловьева, и в это знание входили не только поэтизация «Святой Софии», но и эсхатология Соловьева, а также активный антицерковный критицизм философа

и многое другое. Блок знал, что соловьевская эсхатология выросла из критики философом церковных порядков. Страна, по мысли Соловьева, духовно разоружена, в Церкви процветают формализм и неблагочестие и Россия скоро будет наказана за свою духовную слабость. Китай, который объединяет Азию под своей властью на основе идей панмонголизма, станет той силой, которая осуществит это возмездие.

Соловьев неодинаково освещал тему панмонголизма в стихах и в прозе. В стихотворении «Панмонголизм» (1894 г.), написанном в романтическом ключе, звучит даже некая внутренняя симпатия к дикой восточной силе, которая должна разрушить Третий Рим (т.е. Россию), который не хочет учиться на ошибках Второго Рима, Византии. «Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно, / Как бы предвестием великой/ Судьбины Божией полно». Очищение пространства для грядущих судеб – вот что воодушевляет Соловьева. Ему страшно, но он словно ставит себя на место этой грозной силы, потому что с ней воля Бога, наказующего его страну за грехи. Соловьев как будто тоже с этой силой. Ключевыми строчками стихотворения являются слова: «Смирится в трепете и страхе, / Кто мог завет любви забыть...». Это о судьбах тех, кто выживет под бременем новой власти. Смирение как принятие новой власти будет равноценно сохранению жизни, но это в том случае, если люди откажутся от своей духовной – религиозной и культурной – идентичности. Соловьев обозначает предел, за который он сам не может перейти, как ни симпатична по масштабности и эсхатологическим задачам сокрушающая христианскую цивилизацию сила. Наше предположение подтверждает вторая половина стихотворения, где описывается конкретика движения восточных орд: «Как саранча, неисчислимы / И ненасытны, как она, / Нездешней силою хранимы, / Идут на север племена». С «саранчой» ему явно не по пути. Соловьев, как в подобном случае апостол Павел, недвусмысленно указывает, что он готов остаться со своим – пусть заблудшим и духовно погибшим – народом, даже погибнуть для вечности, если Бог не простит народ в его нечестии. Приветствуя Бога и Его справедливый суд над Россией, Соловьев в то же время хочет остаться с русскими людьми, которые в очередной раз окажутся на острие монгольского огня, где представителей гордого «Третьего Рима» заставят забыть «завет христианской любви» ради сохранения жизни.

Иными словами, акцент противостояния «двух рас», даже акцент возмездия онечестивейшейся христианской Европе (и России в том числе) перенесен Соловьевым с противостояния двух «равных сил» Европы и Азии на противостояние двух неравных сил православных и «азиатов». Новое

монголо-татарское иго подведет итог человеческой истории и спровоцирует эсхатологические события. Так нам видится позиция Соловьева, выраженная в стихотворении «Панмонголизм». И она выражена в стихотворении более ясно и определенно, чем в «Трех разговорах» (в части «Краткая повесть об Антихристе»), где дается более художественное и развернутое описание нашествия китайцев на Россию и Европу.

Возвращаясь к Блоку, отметим, Соловьев был для него все время «где-то рядом». Но очевидно и другое: Блок все время делает усилие уйти от Соловьева, сохранив (возможно, для общественного мнения) лишь форму близости к нему. Это ярко проявляется, например, в такой не софиологической, но очень важной для Блока поэме, как «Возмездие» (1910 г.), где он делает первую серьезную попытку откровенно объясниться с читателем. «Витающий в облаках» служитель «Прекрасной Дамы» в данном произведении кипит самой лютой ненавистью к русской монархии и монарху, обществу, отдельным чиновникам, например – контролирующему Церковь К. П. Победоносцеву. Рисуется мрачное, изувеченное монархической властью общество, с ненавидящими друг друга людьми (готовыми при удобном случае плюнуть друг другу в лицо, и автор – тоже!), но скрывающими желания за хорошими манерами.

При этом поэма «Возмездие» – этот лишь небольшой эскиз к мыслям, одолевавшим поэта в те годы. Но уже здесь он жаждет возмездия (крови!), в данном случае – исторического возмездия России, русскому народу, его аристократии. Автор пылает ненавистью ко всему, что разрушало, с его точки зрения, русскую жизнь. Он оговаривает, что не из праздной насмешки и не из-за любви к кощунству затеял этот разговор: «Но право, может только хам / Над русской жизнью издеваться. / Она всегда – меж двух огней».

На страницах поэмы обнаруживается главный источник боли, которая распространяется, с точки зрения поэта, на все российское тело: это «угнетенная Польша» и «несвобода евреев в России». Казалось бы, правда обозначена. Но выразив открыто эту точку зрения, поэт явно неудовлетворен сказанным, ведь он произнес вслух только то, что от него ждали, как от пророка, а не то, что хотел сказать сам. И если бы он сказал нечто иное, его бы просто не поняли. Блок прекрасно знал, что «грехом против духа времени» (непрощенным вовеки) общество будет считать молчание о том, что пророк должен, по мнению общества, произнести вслух¹. И Блок предпочитает

---

¹ А. Блок пишет: «Век прощает все грехи вплоть до греха против Духа Святого, – он никому не прощает одного: измены духу времени». В церковной традиции «непрощаемый грех» – это грех против Духа Святого (Blok, «Rytsar'-monakh» 198).

говорить то, что от него ждут. Но внутри у него другой огонь и другая боль. Его мучит, что его небесная любовь, чаяние его небесных идеалов – Прекрасная Дама – оказывалась то духом, который живет в болоте, то жительницей города – Незнакомкой, то Девушкой, поющей в хоре, то Богородицей. Его Прекрасные Дамы никак не собирались в одно целое, не становились целым законченным идеалом, которому служить по-рыцарски было не горько и не стыдно. Для Блока это была трагедия всей России! Отсюда его внутреннее вопрошание: «кто ответит за этот трагизм русской жизни?!». Вот что находилось за скобками опубликованного текста. Но поэт до поры молчал.

Революция 1917 г. прервала молчание Блока, поэтому он принял ее с религиозным восторгом и огромной надеждой. «Скифы» были написаны 30 января 1918 г. и считаются последним поэтическим произведением Блока. Поэма «Возмездие» никак не продвигалась дальше, стихотворение «Скифы» выросло из динамики «Двенадцати», иными словами – из богоборческой стихии приветствия революции, ее внутренних, подспудных сил, всего того, что не было реализовано в «Возмездии». «Скифы» – это своего рода сублимированная идейная программа Блока, его духовное завещание. Здесь был эпиграф из стихотворения Вл. Соловьева «Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно». Как было показано выше, в этих строках Соловьев выразил лишь часть своей позиции по вопросу о панмонголизме, свою симпатию к Богу и божьему замыслу очистить руками восточных орд накопившуюся на Земле скверну. Блок отталкивается от этой мысли Соловьева. Но он принимает и вторую мысль Соловьева о том, что панмонголизм готов сохранить жизнь тем, кто отречется от своей веры, откажется от духовной идентичности. Однако он принимает эту мысль Соловьева не по-христиански (как у Соловьева, по образу апостола Павла), а по-язычески. Он превращает русских в язычников-скифов, которые в стихии революции сами становятся частью азиатского алчного моря, где никакая религия уже не имеет значения, где всем руководит слепая сила движения и ненависти. «Россия – Сфинкс» в понимании Блока обозначает не просто ее двуликую природу, но скорее коварную природу. Отсюда, зло и откровенно – про русских: «Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет, / И душный, смертный плоти запах... / Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах?». Звериные лапы, звериные чувства, звериные цели.

Но это еще не все в панмонголистской апокалиптике Блока. Он призывает европейцев слиться с русскими-скифами в их звериной простоте:

«Придите к нам! От ужасов войны / Придите в мирные объятия! Пока не поздно – старый меч в ножны, / Товарищи! Мы станем – братья!». Конечно, это обращение к европейцам с призывом к братству Россия-Сфинкс делает, уже обернувшись к Европе цивилизованным лицом. А далее в стихотворении звучит угроза: если Европа не захочет быть братской, то ей придется видеть Россию только с «азиатской рожей», и в результате через нее в Европу потекут азиатские орды и Европа будет разрушена.

Разница понимания азиатских начал у Соловьева и Блока такова: у первого на Европу наступает панмонголизм, т.е. монголы, у Блока – скифы и гунны. У Блока в его противостоянии двух сил нет Бога, а коллективная Азия обозначена выражением «свирепый гунн», т.е. не китаец, а кочевник, родоначальник «переселения народов». Россия двулика, как образ щита, имеющего две стороны, и в этом смысле она тоже никакой не Третий Рим, а только техническая сила, разделяющая Европу и Азию. Живая техническая сила, которая может поворачивать щит «туда-сюда». Россия Блока языческая, варварская, нигде нет ни слова о ее христианских корнях и православной основе. Это часть Азии. Задача Запада – принять эту истину, не ударять в российский щит, проверяя его на прочность, быть благодарным России за ее техническую миссию. Революция для Блока – это «поворот щита» в сторону Европы азиатским началом России: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, / С раскосыми и жадными очами» и т.д. Только такая грубая, варварская сила может смыть скверну мещанства, которое только одно и является более могучей силой, чем монархическая власть, чем сословия, чем Церковь, потому что мещанство может проникать везде, его мимикрия бесконечна. Оно главный враг поэта, оно виновато, что лунные блики Прекрасной Дамы никак не могли собраться в одно целое. Блок выступает за полное уничтожение культурных форм старого мира, сначала в России, потом в Европе (поэтому поэт просит не противиться этой силе), только это позволит мещанству совсем уйти с исторической сцены.

Всю свою ненависть Блок переносит на мещанство, за которым стоят и конкретные образы людей, с поведением, манерами, речью, с внутренним миром, полным лицемерия, притворства, алчной буржуазности, стремления к комфорту, пусканию пыли в глаза и многим другим. Встречаясь лицом к лицу с такими людьми, Блок про себя взывает: «Отойди от меня, сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкоснуться, не видеть, не слышать. Лучше я или еще хуже его, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, сатана» (Blok, *Zapisnaya knizhka* 443). Чтобы разрушить мир «пузатых мещан», Блок готов на разрушение всей культуры прошлого, с музеями, Зимним

дворцом (письмо к Маяковскому), он готов к неизбежности разрушения самой России: «России не будет так же, как не стало Рима...». «Китай и Япония уже при дверях, таким образом, поругание музыки еще отместится» (Blok, *Zapishnaya knizhka* 344).

В годы революции Блок становится открытым ницшеанцем, он отстаивает ницшеанский мир, где торжествует «арийство», где звучит только Вагнеровская браурная и торжественная «музыка революции». О близости ему идей Ф. Ницше Блок высказывался не раз (Ivanov-Razumnik 419), но вскользь, в дневнике. Вот как поэт обыгрывает арийскую тему в контексте панмонголизма. В дневниковой записи от 11 января 1918 г. он пишет о победившей в Первой мировой войне Европе: «если она покусится на русскую революцию (мало ей военных лавров!), то она вправе ожидать от революционной России ответного шага. Россия перестанет быть арийской (т.е. европейской), она станет азиатской (ей это при ее двуликости возможно), и тогда на Европу глянет уже не свой ариец, а чужая и страшная образина, и на вас прольется Восток» (Ivanov-Razumnik 330–331). Последние арийцы в России – это интеллигенция, и от них теперь зависит, каким лицом Россия обернется к Западу. Именно ницшеанство заставило Блока оценивать проблему мещанства сквозь призму «порчи крови». «Торжествующее мещанство» он связывает с «желтокровием». «Желтое» для Блока – это все, что «отвердело, застыло, стало кондовым обычаем, мертвым догматом, все неподвижное, бестревожное, отказавшееся от борьбы, безразличное к будущему, ушедшее в декадентское презрение к простой жизни» (Orlov 437).

Блок в предреволюционные и особенно революционные годы смывает с себя последние следы христианского влияния Соловьева, и ему помогали в этом собратья по перу, прежде всего Мережковский, Гиппиус, А. Белый и др. (*Sud'ba Bloka* 73). Со слов Д. А. Скалдина, Блок в эти годы активно интересовался сектантством, ездил к хлыстам, его «влекла тамошняя богородица» (*Sud'ba Bloka* 170). Блоковское ницшеанство было не столь радикально, как у Ницше, но его природа имела ту же демоническую основу. Конечно, Блок проделал определенный эволюционный путь с начала XX в., когда он, со слов Е. Иванова, был еще «заоблачным воином» и молитвенно боролся с дьявольской силой в воздушной стихии (отсюда темный загар на лице и неподвижность черт лица). Но уже тогда он отвергал Христа как помощника, как духовного врача, и оставаясь один на один с князем тьмы, думал победить его только собственной силой («*Vospominaniya i zapiski*» 378). Между тем как в 1910-е годы и позже, в годы революции, Блок и сам уже приобрел демонические черты. Это отмечала в нем А. Ахматова в «Поэме

без героя». Демонизм проник в стихи Блока (Etkind 117), это проявлялось в его возрастающих симпатиях к ницшеанству, в радикализации мировоззрения. А. Ф. Лосев отмечал, что в «Трех разговорах» Вл. Соловьев разоблачал сатанизм не только К. Леонтьева, В. Розанова, но и Ницше, что соловьевский антихрист есть ни что иное как «додумывание ницшеанского антиабсолютизма до его логического конца» (Takho-Godi 214-220). Глубоко погружаясь в Ницше, Блок напитывался его антихристианством и демонизмом. В его дневнике присутствуют чисто ницшеанские хлесткие оценки, даваемые всем, кто не грезит, а живет обычной, «мещанской» жизнью.

По отношению к «мещанам» (дворянам, чиновникам, купцам, военным, простонародью, даже своей братии интеллигенции) постоянно звучали эпитеты: «сволочь», «жеребцы», «падаль»; интеллигенция – «родная сволочь». Мещанин для Блока делается синонимом сатанинских сил (в понимании поэта), это был почти inferнальный соперник. Враг был рядом, он был повсюду. Блок не мог смотреть в трамвае на окружающих, его мутило от ненависти и отвращения к людям. «Обезьяны», – называл он окружающих (*Sud'ba Bloka* 163). Так же пишет об обычных людях и Ницше в работе «Так говорил Заратустра»: государственные люди у него – это «проворные обезьяны», как и обычный человек в отличие от сверхчеловека – это тоже «обезьяна» (Nitsche 8). Такая важная для Блока тема, как отношение к падшим женщинам из публичных домов, которые Блок нередко посещал, тоже разрабатывалась им в рамках ницшеанской эстетики. Свои посещения этих злочных мест Блок не единожды описывает в письмах матери, подчеркивая этим их духовное значение. Ницше тоже проповедовал в Заратустре «невинность чувств»: «как ловко сука-чувственность умеет молить о куске духа, когда ей отказывают в куске тела» (Nitsche 39). То есть лучше бросить ей в пасть «кусочек тела», чтобы она не лезла в душу. Что Блок периодически и делал. Его скифский приговор России и Европе был как бы от лица Заратустры, с «вершины горы», из пещеры, где тот сидел, пока не спустился к людям, чтобы учить их правильно жить.

Кратко подытожим сказанное. А. Блок, хотя и имел за спиной фигуру Вл. Соловьева, с его софинианством, но в отличие от него не служил «небесной идее» в аскезе христианского духовного служения, а опирался только на свою силу, волю, свой нравственный и духовный опыт. Блок не принимал Христа в качестве Бога, но делал его виновником земной неустрашенности. Это в совокупности и привело Блока к Ницше, с его радикализмом. В. В. Бычков как-то высказал мысль, что Серебряный век пошел за Соловьевым, а не за Ницше (Bychkov 11), но в свете сказанного это не так; этот

«век» пошел скорее за Блоком. Однако, в чем-то прав и В. В. Бычков, поскольку Соловьев, как от него ни отказывались его «дети», все же сохранял свое незримое присутствие в русской интеллигентской среде Серебряного века, что особенно ясно проявилось позже в творчестве А. Ф. Лосева, великого исследователя античной и возрожденческой эстетики.

Разница в понимании образа «скифа», как кочевника – разрушителя западной цивилизации, у Соловьева и Блока колоссальна. Блок предложил западнический – ницшеанский – образ скифа, как силы, радикально, «до основания» сметающей с земного шара прежний христианский мир, чтобы на его месте появился новый порядок. Существующий миф о Блоке, как только о «певце революции», «слушателе ее музыки» должен быть существенным образом скорректирован в свете радикальной формы его «скифства». Образ скифства, который сложился еще у русских западников, Чаадаева и Герцена, и перешел к основателю скифства Р. В. Иванову-Разумнику, был более земным, менее радикальным, направленным лишь на «чистку» старого мира от плевел буржуазного мещанства. Тем не менее, в годы революции, когда большевики пришли к власти, Блок и Иванов-Разумник сошлись, чтобы действовать сообща против них. Блоковский размах оказался востребован левыми эсерами, которых большевики загоняли в угол. Судя по всему, «скифский» вариант мировой революции (а именно в этом была глобальная цель «Скифов»), альтернативный большевистскому проекту, должен был реализовать не столько политическую цель, сколько духовную, не востребованную Октябрьской революцией. Но это уже отдельная тема, требующая своего сюжета рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ageycheva, Tat'yana Vladimirovna. *R. V. Ivanov-Razumnik. Kazus «vechnoy revolyutsionnosti»*. Kn. 1. Izdatel'skiye resheniya, 2019. [Агейчева, Татьяна Владимировна. *Р. В. Иванов-Разумник. Казус «вечной революционности»*. Кн. 1. Издательские решения, 2019].
- Belous, Vladimir Grigor'yevich. *Volfila (Petrogradskaya Vol'naya Filozofskaya Assotsiatsiya: 1919-1924)*. Modest Kolerov i «Tri kvadrata», 2005 [Белоус, Владимир Григорьевич. *Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация: 1919-1924)*. Модест Колеров и «Три квадрата», 2005].
- Belous, Vladimir Grigor'yevich. *Volfila, ili krizis kul'tury v zerkale obshchestvennogo samosoznaniya*. Mir, 2007 [Белоус, Владимир Григорьевич. *Вольфила, или кризис культуры в зеркале общественного самосознания*. Мир, 2007].
- Blok, Aleksandr Aleksandrovich. «Rytsar'-monakh». *Religiozno-filozofskoye obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde). Istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907-1917. V 3-kh*

- tomakh*, t. 2. Russkiy put', 2009, ss. 195-203 [Блок, Александр Александрович. «Рыцарь-монах». *Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: 1907-1917. В 3-х томах*, т. 2. Русский путь, 2009, сс. 195-203].
- Blok, Aleksandr Aleksandrovich. *Zapishnaya knizhka. Dnevniky poeta*. Т. 8, 2018 [Блок, Александр Александрович. *Записная книжка. Дневники поэта*. Т. 8, 2018].
- Bychkov, Viktor Vasil'yevich. «Solov'yev i esteticheskoye soznaniye Serebryanogo veka». *Vladimir Solov'yev i kul'tura Serebryanogo veka (Losevskiyе chteniya)*. Otv. redaktor A. A. Takho-Godi. Sostavitel' E. A. Takho-Godi. Nauka, 2005, ss. 11-30 [Бычков, Виктор Васильевич. «Соловьев и эстетическое сознание Серебряного века». *Владимир Соловьев и культура Серебряного века (Лосевские чтения)*. Otv. redaktor A. A. Тахо-Годи. Составитель Е. А. Тахо-Годи. Наука, 2005, сс. 11-30].
- Chaadayev, Petr Yakovlevich. «Apologiya sumasshedshego». Sochineniya Chaadayeva Petra Yakovlevicha. Pravda, 1989 [Чаадаев, Петр Яковлевич. «Апология сумасшедшего». *Сочинения Чаадаева Петра Яковлевича*. Правда, 1989].
- D'yakova, Elena Aleksandrovna. «Khristianstvo i revolyutsiya v mirosozertsanii 'Skifov' (1917-1919)». *Izvestiya AN SSSR. Seriya Literatury i yazyka*, t. 50, no. 5, ss. 414-426 [Дьякова, Елена Александровна. «Христианство и революция в мирозерцании 'Скифов' (1917-1919)». *Известия АН СССР. Серия Литературы и языка*, т. 50. № 5, сс. 414-426].
- Etkind, Aleksandr Markovich. *Khlyst. Sekty, literatura i revolyutsiya*. Novoye literaturnoye obozreniye, 2013 [Эткинд, Александр Маркович. *Хлыст. Секты, литература и революция*. Новое литературное обозрение, 2013].
- Gil'dner, Anna. «Ivanov-Razumnik i skifskiy motiv v russkoy kul'ture». *Ivanov Razumnik. Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture. Sbornik statey po materialam konferentsii «Ivanov-Razumnik (1878-1946). Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture. Tsarskoye Selo. 16-17 marta 1996*. Glagol, 1996, ss. 119-129 [Гильднер, Анна. «Иванов-Разумник и скифский мотив в русской культуре». *Иванов Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Сборник статей по материалам конференции «Иванов-Разумник (1878-1946). Личность. Творчество. Роль в культуре. Царское Село. 16-17 марта 1996*. Глагол, 1996, сс. 119-129].
- Gracheva, Anastasiya Mikhaylovna. «Skifstvo v interpretatsii Alekseya Remizova. Misteriya 'Solomon i Kitovras'». *Ivanov Razumnik. Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture. Sbornik statey po materialam konferentsii «Ivanov-Razumnik (1878-1946). Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture. Tsarskoye Selo. 16-17 marta 1996*. Glagol, 1996, ss. 89-96. [Грачева, Анастасия Михайловна. «Скифство в интерпретации Алексея Ремизова. Мистерия "Соломон и Китоврас"». *Иванов Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Сборник статей по материалам конференции «Иванов-Разумник (1878-1946). Личность. Творчество. Роль в культуре. Царское Село. 16-17 марта 1996*. Глагол, 1996, сс. 89-96].
- Ivanov-Razumnik, Razumnik Vasil'yevich. *Pisatel'skiye sud'by. Tyur'my i ssylki*. Sost. V[ladimir] G[rigor'yevich] Belous. Novoye literaturnoye obozreniye, 2000 [Иванов-Разумник, Разумник Васильевич. *Писательские судьбы. Тюрмы и ссылки*. Сост. В. Г. Белоус. Новое литературное обозрение, 2000].
- Lebedeva, Valentina Genrikhovna. «Vstrecha Serebryanogo veka s Zheleznym. Ivanov-Razumnik o sud'be 'meshchanstva' i massovoy kul'tury». *Ivanov Razumnik. Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture. Sbornik statey po materialam konferentsii «Ivanov-Razumnik (1878-1946). Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture*. Tsarskoye Selo. 16-17 marta 1996. Glagol, 1996,

- ss. 143-147 [Лебедева, Валентина Генриховна. «Встреча Серебряного века с Железным. Иванов-Разумник о судьбе “мещанства” и массовой культуры». *Иванов Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Сборник статей по материалам конференции «Иванов-Разумник (1878-1946). Личность. Творчество. Роль в культуре». Царское Село. 16-17 марта 1996.* Глагол, 1996, сс. 143-147].
- Leont'yev, Yaroslav Viktorovich. «Skify» *russskoy revolyutsii. Partiya levyykh eserov i yeye literaturnyye porutchiki*. AIRO-XXI, 2007 [Леонтьев, Ярослав Викторович. «Скифы» *русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики*. AIRO-XXI, 2007].
- Losev, Aleksey Fedorovich. *Vladimir Solov'yev i yego vremya*. Molodaya gvardiya, 2000 [Лосев, Алексей Федорович. *Владимир Соловьев и его время*. Молодая гвардия, 2000].
- Nitsche, Fridrikh. «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». Nitsche Fridrikh. *Sochineniya v 2-kh tomakh*, t. 2. Mysl', 1990, ss. 5-170. [Ницше, Фридрих. «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». *Ницше Фридрих. Сочинения в 2-х томах*, т. 2. Мысль, 1990, сс. 5-170].
- Orlov, Vladimir Nikolayevich. *Gamayun: Zhizn' Aleksandra Bloka. V 2-kh kn*. Кн. 2. Terra, 1997 [Орлов, Владимир Николаевич. *Гамаюн: Жизнь Александра Блока. В 2-х кн.* Кн. 2. Terra, 1997].
- Sarayeva, Elena Leonidovna. *Russkaya intelligentsiya v refleksii Ivanova-Razumnika*. Izdatel'stvo YaGPU, 2014 [Сараева, Елена Леонидовна. *Русская интеллигенция в рефлексии Иванова-Разумника*. Издательство ЯГПУ, 2014].
- Struve, Georgiy Petrovich. *Russkaya literatura v izgnanii*. YMCA-Press «Russkiy put'», 1996 [Струве, Георгий Петрович. *Русская литература в изгнании*. YMCA-Press «Русский путь», 1996].
- Sud'ba Bloka: po dokumentam, vospominaniyam, pis'mam, zametkam, dnevnikam, stat'yam i drugim materialam*. Sostaviteli O. Nemerovskaya, Ts. Vol'pe. Izdatel'stvo pisateley v Leningrade, 1930 [Судьба Блока: по документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам. Составители О. Немеровская, Ц. Вольпе. Издательство писателей в Ленинграде, 1930].
- Takho-Godi, Yelena Arkad'yevna. «Traditsii 'trekh razgovorov' VI. Solov'yeva v proze A. F. Loseva». *Vladimir Solov'yev i kultura Serebryanogo veka (Losevskie chteniya)*. Otv. redaktor A. A. Takho-Godi. Sostavitel' E. A. Takho-Godi. Nauka, 2005, ss. 214-220 [Тахо-Годи, Елена Аркадьевна. «Традиции “трех разговоров” VI. Соловьева в прозе А. Ф. Лосева». *Владимир Соловьев и культура Серебряного века (Лосевские чтения)*. Отв. редактор А. А. Тахо-Годи. Составитель Е. А. Тахо-Годи. Наука, 2005, сс. 214-220].
- Vyazinkin, Aleksey Yur'yevich. «Natsional'nyy proyekt 'russskogo sotsializma' i figura 'skifa' v ideynom nasledii Gertsena [Вязинкин, Алексей Юрьевич. *Национальный проект «русского социализма» и фигура «скифа» в идейном наследии Герцена*], www.gramota.net/materials/9/2019/8/12.html. DOI: 10.30853/manuscript.2019.8.12. Доступ 9.09.2021.
- «Vospominaniya i zapiski Yevgeniya Ivanova ob Aleksandre Bloke». Podgotovka k publikatsii E. P. Gomberg, D. Ye. Maksimov. *Blokovskiy sbornik. Trudy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy izucheniyu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka. May 1962*. Tartuskiy gosudarstvennyy universitet, 1964, ss. 344-425. [«Воспоминания и записки Евгения Иванова об Александре Блоке». Подготовка к публикации Э. П. Гомберг, Д. Е. Максимов.

Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962. Тартуский государственный университет, 1964, сс. 344-425].

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ «СКИФОВ»
(ОТ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА К АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ)

Р е з ю м е

Скифская идеология выросла из двух источников: софиологии Владимира Соловьёва, адаптированной Александром Блоком к революционному стандарту «антихристианского апокалипсиса», и идей Разумника Иванова-Разумника, опиравшегося на мнения западников Петра Чаадаева и Александра Герцена. Для Блока скифство стало формой выражения его антихристианских, ницшеанских идей, долго зревших под прикрытием его софиинизма. Революция позволила ему открыто выразить их и привлечь внимание основателя скифского литературного течения. Радикализм Блока позволил включить скифство в партийную жизнь левых эсеров, придав движению новый характер и новые ориентиры, связанные с мировой революцией на небольшевицкий лад.

Ключевые слова: «скифы»; литературное сообщество; Александр Блок; Разумник Иванов-Разумник; Владимир Соловьёв; Петр Чаадаев; Александр Герцен; софиология; популизм; ницшеанство; мировая революция

IDEALNE ŹRÓDŁA RUCHU LITERACKIEGO „SKIFY”
(OD WŁADIMIRA SOŁOWIOWA DO ALEXANDERA BŁOKA)

Streszczenie

Ideologia scytyjska wyrosła z dwóch źródeł: sofiologii Włodzimierza Sołowjowa, dostosowanego przez Aleksandra Błoka do rewolucyjnego standardu «apokalipsy antychrześcijańskiej» i idei Razumnika Iwanowa-Razumnika, który bazował na opiniach okcydentalistów Piotra Czaadajewa i Aleksandra Hercena. Dla Błoka scytyzm stał się formą wyrazu jego antychrześcijańskich, nietscheańskich idei, które długo dojrzewały pod przykrywką jego sofinizmu. Rewolucja pozwoliła mu wyrazić je otwarcie i przyciągnąć uwagę założyciela scytyjskiego ruchu literackiego. Radykalizm Błoka umożliwił włączenie scytyzmu w życie partyjne lewicowych eserowców, nadając ruchowi nowy charakter i nowe wytyczne związane z rewolucją światową rozumianą na sposób niebolszewicki.

Słowa kluczowe: «Scytowie»; społeczność literacka; A. Błok; R. Iwanow-Razumnik; W. Sołowjow; A. Czaadajew; A. Hercen; sofiologia; populizm; nietscheanizm; rewolucja światowa.

THE IDEAL SOURCES OF THE “SCYTHIAN” LITERARY MOVEMENT
(FROM VLADIMIR SOLOVYOV TO ALEXANDER BLOK)

S u m m a r y

The Scythian ideology grew from two sources: the sophiology of Vladimir Solovyov, adapted by Alexander Blok to the revolutionary standard of the “anti-Christian apocalypse”, and the ideas of

Razumnik Ivanov-Razumnik, who relied on the opinions of the Westernisers Pyotr Chaadaev and Alexander Herzen. For Blok, Scythianism became a form of expression of his anti-Christian, Nietzschean ideas, which had matured for a long time under cover of his sophiology. The revolution allowed him to express them openly and attract the attention of the founder of the Scythian literary movement. Blok's radicalism made it possible to include Scythianism in the party life of the Left Socialist-Revolutionaries, giving the movement a new character and new guidelines associated with the world revolution in a non-Bolshevik manner.

Keywords: "Scythians"; literary community; Alexander Blok; Razumnik Ivanov-Razumnik; Vladimir Solovyov; Pyotr Chaadaev; Alexander Herzen; sophiology; populism; Nietzscheanism; world revolution.